

Попов И. В. Магистерский диспут: [Рец. на:] Глаголев С. С.
О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого.
М., 1894 // Богословский вестник 1894. Т. 3. № 8. С. 290–302
(2-я пагин.).

МАГИСТЕРСКИЙ ДИСПУТЪ.

1893/94 учебный годъ закончился для Московской духовной Академіи скромнымъ научнымъ торжествомъ: 6 Іюні въ большой академической аудиторіи, въ присутствіи Совѣта и приглашенной публики защищаль магистерскую диссертацию испр. дол. доцента по кафедрѣ Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ Сергѣй Сергѣевичъ Глаголевъ. Въ качествѣ диссертациіи магистрантомъ былъ представленъ обширный апологетическій трудъ подъ заглавіемъ: „*О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго*“ (М. 1894).

Предъ началомъ диспута былъ прочитанъ curriculum vitae магистранта. С. С. Глаголевъ, сынъ протоіерея г. Крапивны, Тульской губ., родился въ 1865 году. По окончаніи Тульской духовной семинаріи онъ въ 1885 г. былъ посланъ на казенный счетъ въ Московскую духовную Академію и принятъ здѣсь первымъ студентомъ. Окончивъ Академію, магистрантъ былъ оставленъ при ней въ качествѣ профессорскаго стипендіата и получилъ командировку въ Московскій университетъ для занятія естественными науками въ апологетическихъ цѣляхъ. Послѣ двухъ лѣтъ службы преподавателемъ Библейской и Церковной исторіи въ Вологодской семинаріи, онъ былъ приглашенъ Совѣтомъ Академіи на занимаемую имъ въ настоящее время кафедру. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ С. С. Глаголевъ дѣятельно сотрудничалъ въ различныхъ журналахъ и кромѣ магистерской диссертациіи напечаталъ цѣлый рядъ научныхъ статей и рефератовъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ перечень ученыхъ трудовъ магистранта. 1) Въ журналѣ *Православное Обозрѣніе* имъ напечатаны статьи: „Новая теорія происхожденія

Послѣ этого краткаго біографическаго очерка вступилъ на кафедру магистрантъ и въ интересной рѣчи, произведшей на слушателей особенное впечатлѣніе своеобразными ораторскими приѣмами, развилъ мысль о теоретической и практической необходимости апологетическихъ трудовъ въ настоящее время. Заканчивая свою рѣчь, магистрантъ замѣтилъ, что онъ разсматриваетъ свой трудъ лишь какъ первый опытъ, который онъ намѣренъ впоследствии переработать и, если представится возможность, издать вновь.

Пренія открылъ о. Ректоръ Академіи, архимандритъ Антоній, выступившій въ качествѣ перваго официального оппонента. Признавъ крупныя достоинства диссертациі, отмѣтивъ въ ней живость мысли и изложенія, силу критики, убѣдительность доказательствъ и православность взглядовъ, о. Ректоръ указалъ на ея компилятивный характеръ и подвергъ разбору ея основной принципъ. Магистрантъ излагаетъ эволюціонную гипотезу происхожденія человѣка, опровергаетъ ее на основаніи фактовъ,

---

міра (Sur l'origine du monde. Théories cosmogoniques anciennes et modernes. par H. Faye)", 1889, № 1; „Естественнонаучный журналъ въ духѣ христіанской вѣры. (Revue des questions scientifiques)", 1889, № 11—12; „Сужденія двухъ геологовъ о библейскомъ потопѣ (Suess. Das Antlitz der Erde. Die Sündfluth. Howorth, The mammoth and the flood)". 1890, №№ 5, 6, 7, 8. 2) Въ *Богословскомъ Вѣстникѣ*: „Объ условіяхъ возникновенія религіозной вѣры“, 1892, № 11; „Объ отношеніи философіи и естественныхъ наукъ къ наукамъ „Введеніе въ богословіе“, 1892, № 12; „Чудо и наука“, 1893, № 6; „Новый антидарвинистическій трудъ“, 1893, № 9; „Старокатолическій богословскій журналъ (Revue internationale de Théologie)". 1894, № 1; „Конецъ земли“, 1894, № 4. 3) Въ *Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія*: „Предметъ и задача Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“, 1892, № 11; „О происхожденіи и первоначальномъ состояніи рода человѣческаго“, 1893, №№ 1, 2, 4, 6 (за исключеніемъ первой главы, эта статья вошла въ составъ магистерской диссертациі); „Антропологическая проблема въ настоящее время“, 1893, №№ 10, 11, 12; „Древность человѣка“, 1894, № 3 (обѣ послѣднія статьи вошли въ составъ диссертациі). 4) Въ *Вопросахъ философіи и психологіи*: „Вопросъ о безсмертіи души“, 1893, №№ 19—20. 5) Въ *Русскомъ Обзорѣнн*: „Новая теорія происхожденія каменнаго угля“, 1893, № 1; „Что такое преступленіе“, 1893, № 2; „Дарвинизмъ и право“, 1893, № 3. Кромѣ этихъ статей, магистрантъ помѣщалъ критико-бібліографическія замѣтки и научныя сообщенія въ *Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія*, въ *Русскомъ Обзорѣнн*, въ журналѣ *Наука и Жизнь* и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Последнимъ трудомъ магистранта является его диссертациа.

чисель, ученыхъ мнѣній, и въ этой отрицательной работѣ видить всю свою задачу.—Между тѣмъ, читатель ожидальбы отъ апологетическаго труда по данному вопросу не только научной критики гипотезы, но и положительнаго обоснованія церковнаго ученія о происхожденіи человѣка, какъ ученія единственно удовлетворяющаго съ точки зрѣнія разумно-правственнаго. Литература изящная дастъ богатый матеріалъ для ученаго апологета, показывая, что нравственно-цѣнный типъ возможно построить лишь, какъ типъ религіозный. Наука должна раскрыть ту-же истину путемъ дискурсивнаго мысленія языкомъ точныхъ понятій. Во вступительной рѣчи авторъ справедливо сказалъ, что прочность апологетическихъ изслѣдованій зависитъ отъ прочности ея положительныхъ основаній, безъ коихъ самая критика шатка и подвержена случайнымъ условіямъ эпохи; этотъ принципъ автора однако не проведенъ въ его собственномъ изслѣдованіи. Путемъ положительныхъ психологическихъ изысканій можно было бы установить какъ безспорный тезисъ, что ни одинъ послѣдовательный дарвинистъ и материалистъ не можетъ быть нравственнымъ человѣкомъ, и ни одинъ нравственный и разумный въ тоже время человѣкъ не можетъ быть дарвинистомъ и материалистомъ. Выставить на видъ эти истины есть прямая задача апологета, и эта задача не менѣе важна, чѣмъ отрицательная критика дарвинизма. Болѣе того,—давъ положительное обоснованіе церковному ученію о происхожденіи человѣка, магистрантъ создалъ бы пезыблемую скалу противъ волнъ матеріализма, ибо симпатіи умовъ въ пользу той или иной теоріи опредѣляются не столько ея критическою, сколько положительною цѣнностью. Послѣ этихъ замѣчаній принципиальнаго характера о. Ректоръ остановился на нѣкоторыхъ подробностяхъ перваго отдѣла книги. Магистрантъ высказываетъ здѣсь нѣсколько взглядовъ, съ которыми нельзя согласиться. Такъ, его мнѣніе, что тѣлесная природа первоизданнаго человѣка ничѣмъ не отличалась отъ нашей, противорѣчитъ ученію нѣкоторыхъ Отцевъ Церкви и не можетъ быть оправдано теоретически. Адамъ былъ созданъ съ назначеніемъ быть безгрѣшнымъ и безсмертнымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что этому назначенію соотвѣтствовали не только его высокія духовныя качества, по

и свойства его тѣлесной природы. Если наша теперешняя плотская природа нарочито устроена для борьбы, самозащиты и приспособлена къ нанесенію вреда другимъ существамъ, то первозданный человѣкъ, для котораго было возможно не грѣшнить и не умирать, не могъ имѣть ту-же плотскую природу, какъ мы. То-же слѣдуетъ сказать и о тѣлесной природѣ всей твари: до грѣхопаденія ей были чужды органы, назначенные исключительно для взаимнаго истребленія. Нужно думать, что самая матерія до грѣхопаденія имѣла совершенно иныя свойства и иной составъ, чѣмъ теперь. Такъ, напри- м., она, вѣроятно, была лишена непроницаемости, какъ и прославленная плоть воскресшаго Спасителя, явившагося своимъ ученикамъ *дверемъ затвореннымъ* (Іоан. XX, 19). Точно также нельзя согласиться съ мыслью магистранта, что супружескія отношенія Адама и Евы начались еще до грѣхопаденія. Въ основѣ супружескихъ сношеній лежитъ страстность, неумѣстная въ раю общей гармоніи и святости; наконецъ, еслибы до паденія были супружескія отношенія, то были бы и дѣти у прародителей раньше изгнанія изъ рая. Необходимо полагать, что условія размноженія человѣка такъ-же измѣнились послѣ грѣхопаденія, какъ и вся его тѣлесная природа. Магистрантъ не хочетъ стать на эту точку зрѣнія потому, что въ методѣ объясненія онъ хочетъ наименѣе расходиться съ эволюціонистами. Но дѣло въ томъ, что принципъ естественнаго объясненія не можетъ быть вполне примѣнимъ въ области фактовъ, которые въ основѣ своей сверхъестественны. Вѣдь, допускаетъ-же магистрантъ чудесный фактъ творенія человѣка; почему-же тогда не допустить элемента чудеснаго и въ природѣ первозданныхъ людей, и въ условіяхъ ихъ существованія? Немножко болѣе, немножко менѣе чуда, — это здѣсь не дѣлаетъ различія. Изъ тѣхъ-же научныхъ побужденій магистрантъ тратитъ много усилій на то, чтобы примирить всѣ подробности Библейскаго ученія о происхожденіи человѣка съ такъ называемыми данными геологіи и палеонтологіи, какъ-бы ни казалось такое примиреніе иногда искусственнымъ и неестественнымъ. Но можетъ-ли это быть благодарной задачей? Вѣдь, въ настоящее время всякому извѣстно, что всѣ эти данныя могутъ импонировать только юношамъ моложе 18-ти лѣтняго возраста. Оппонентъ затѣмъ не понимаетъ и ни-

когда не могъ понять того противопоставленія знанія и вѣры, которое проведено въ диссертациі. Далѣе, однимъ изъ пробѣловъ диссертациі является то, что магистрантъ не разъяснилъ Библейское ученіе объ образѣ Божіемъ. Адамъ былъ созданъ по образу и подобію Божію, и въ этомъ заключается разгадка всѣхъ удивительныхъ свойствъ его духовной природы. Выяснить съ точки зрѣнія этой идеи ту чистоту духа и высоту нравственныхъ качествъ, какими обладалъ первозданный человѣкъ безъ всякихъ предварительныхъ эмпирическихъ познаній, безъ всякаго подготовительнаго воспитанія, — въ этомъ заключалась важная апологетическая и догматическая задача. Наконецъ, оппонентъ не можетъ согласиться съ тою постоянно проводимой мыслью магистранта, что певѣріе особенно сильно распространено между учеными. Указавъ въ числѣ мелкихъ недостатковъ книги на нѣкоторыя излишнія разсужденія, на чрезмѣрное преобладаніе полемики, на неполноту и не всегда удачный способъ цитациі, на растянутость изложенія и недостатки слога, о. Ректоръ заключилъ свои возраженія лучшими пожеланіями магистранту въ его дальнѣйшей ученой и литературной дѣятельности.

Отвѣчая на замѣчанія о. Ректора, магистрантъ прежде всего отклонилъ отъ себя упрекъ, будто онъ не далъ того, что оппонентъ называетъ положительнымъ обоснованіемъ церковнаго ученія о происхожденіи человѣка, и совершенно опустилъ изъ виду этическую сторону своей проблемы. Раскрытію внутренней истины Библейскаго ученія съ нравственной точки зрѣнія онъ посвятилъ цѣлую I главу втораго отдѣла своей книги. Если-же онъ не сдѣлалъ это раскрытіе своею главной или исключительной задачей, то это потому, что онъ писалъ свою книгу главнымъ образомъ для такихъ людей, которыхъ убѣждаютъ не нравственные соображенія, а только научные факты, мнѣнія и числа. Замѣчаніе оппонента, будто мысль о сходствѣ тѣлесной природы первозданнаго человѣка съ нашей неправильна и противорѣчитъ ученію Св. Отцевъ, магистрантъ рѣшительно оспариваетъ. Въ доказательство онъ ссылается на Шестодневъ Св. Василія Великаго и на толкованіе Іоанна Златуста на I главу книги Бытія, откуда по его мнѣнію очень опредѣленно вытекаетъ развиваемый имъ взглядъ. Напро-

тивъ, мнѣніе, защищаемое оппонентомъ, не можетъ имѣть для себя основаній. Въ Библии нельзя указать ни одного мѣста, которое несомнѣнно подтверждало-бы мысль о различіи тѣлесной природы Адама и позднѣйшаго человѣчества. Исключеніемъ могло-бы быть только извѣстное мѣсто въ посланіи къ Римлянамъ (8, 19—22), но и это мѣсто можетъ быть различно истолковано. Въ пользу мнѣнія, что супружескія отношенія прародителей начались еще до грѣхопаденія, прямо говоритъ данная имъ заповѣдь Господа: „*раститесь и множитесь*“, которую нельзя истолковать иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что ею былъ заповѣданъ супружескій союзъ. Мысль, что изъ области фактовъ, превышающихъ нашъ естественный порядокъ вещей, нѣтъ ни возможности, ни нужды устранять элементъ чудеснаго, конечно, справедлива, и магистрантъ нисколько не думаетъ ее оспаривать; но, вѣдь, нельзя-же совсѣмъ закрывать глаза на то, что говоритъ намъ наука. Если есть люди, въ глазахъ которыхъ данныя геологіи и палеонтологіи не имѣютъ ни малѣйшей цѣны, то для другихъ людей они — все, и апологетъ не выполнилъ-бы своей задачи, если-бы захотѣлъ игнорировать точку зрѣнія этихъ людей. Что касается принципіальнаго вопроса объ отношеніи раціональнаго знанія и вѣры, то эти два способа познанія, конечно, не исключаютъ другъ друга, но различіе между ними устанавливается всюду и между прочимъ также въ православной богословской наукѣ. Библейское ученіе объ образѣ Божіемъ магистрантъ выясняетъ на 45—54 страницахъ своей книги. Наконецъ, мысль, что между естествоиспытателями много вѣрующихъ, едва-ли можетъ найти для себя подтвержденіе.

Вторымъ оппонентомъ былъ экстраординарный профессоръ догматическаго богословія А. Д. Бѣляевъ. Прежде чѣмъ начать свои возраженія, оппонентъ заявилъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ защитить диссертацию магистранта отъ обвиненія въ комплиативности. Магистрантъ работалъ въ такой области, въ которой онъ не могъ быть вполне самостоятельнымъ и гдѣ комплиативность не можетъ быть поставлена ему въ упрекъ. Когда, наприм., историкъ изучаетъ источники какого-нибудь вопроса, группируетъ факты и дѣлаетъ изъ нихъ соотвѣтствующіе выводы, ему не трудно быть самостоятельнымъ: изслѣдуемый имъ матеріалъ открытъ

для всѣхъ и работа надъ нимъ сравнительно не сложна. Въ совершенно иномъ положеніи находится богословъ, когда онъ разсматриваетъ естественнонаучные факты и гипотезы. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ здѣсь не имѣетъ возможности ни предпринять собственныхъ изслѣдованій, ни провѣрить результаты чужихъ. Изучаемый имъ матеріалъ для него недоступенъ, и ему по необходимости приходится пользоваться тѣмъ, что сдѣлано другими. Историкъ можетъ быть спеціалистомъ только въ своей области и этого ему бываетъ обыкновенно совершенно достаточно для его задачи. Напротивъ, магистранту, чтобы быть вполнѣ самостоятельнымъ въ избранномъ имъ вопросѣ, пужно было-бы знать до 10 естественныхъ наукъ, т. е. имѣть такія знанія, какими не обладаютъ и выдающіеся ученые. Мало того, самостоятельность ему была-бы, если угодно, скорѣе вредна, чѣмъ полезна. Магистрантъ—начинающій ученый и притомъ богословъ; поэтому его имя не можетъ быть авторитетнымъ для естествоиспытателей и особенно для дарвинистовъ. Если-бы онъ далъ въ своей книгѣ результаты своихъ собственныхъ изысканій, его противники не придали-бы имъ никакого значенія. Совершенно иное впечатлѣніе произведетъ онъ, опровергая дарвинизмъ на основаніи изслѣдованій извѣстныхъ ученыхъ: этимъ ученымъ всякій повѣритъ. Но не считая возможнымъ ставить магистранту въ вину несамостоятельность, оппонентъ находитъ у него другой недостатокъ, — его странное отношеніе къ нѣкоторымъ изъ разсматриваемыхъ имъ писателей. Такъ, прежде всего непонятно его отношеніе къ Ленорману: магистрантъ приписываетъ этому историку такіе взгляды, которые ему совершенно чужды. Наприм., на стр. 23 и слѣд. онъ нападаетъ на Ленормана за то, что тотъ будто-бы признаетъ вполнѣ истиннымъ въ книгѣ Бытія только догматическое, а не историческое содержаніе. Ничего подобнаго Ленорманъ не говоритъ. Онъ говоритъ совершенно обратное, замѣчая въ началѣ своей книги, что по здравой критикѣ библейское повѣствованіе „должно быть введеніемъ во всю всеобщую исторію, такъ-какъ даже разсматриваемое съ чисто человѣческой точки зрѣнія, оно заключаетъ въ себѣ самое древнее преданіе о первыхъ дняхъ человѣчества, —единственное преданіе, которое не было искажено введеніемъ фантастическихъ

мировъ“ (*Lenormant, Histoire ancienne, 9-me édit., t. I, Paris 1881, p. 3.* Сравни слѣд.). Далѣе, на 85 стр. магистрантъ пишетъ, что по мнѣнію Ленормана названія Тигра и Евфрата были перенесены библейскимъ повѣствователемъ на памирскія рѣки изъ той страны, въ которой онъ жилъ, изъ Месопотаміи. Между тѣмъ, Ленорманъ утверждаетъ нѣчто совершенно иное. Онъ говоритъ, что названія Тигръ и Евфратъ были перенесены въ Месопотамію съ Памира тамошними обитателями послѣ расселенія народовъ, такъ-какъ первобытные Тигръ и Евфратъ, повидимому, существовали среди рѣкъ, выходящихъ съ памирскаго плато (*Ibid., p. 102—103*). Подобныя-же, хотя менѣе важныя, недоразумѣнія встрѣчаются на стр. 23 и 93 слѣд. Но всего болѣе удивительно то, что магистрантъ полемизируетъ съ Ленорманомъ такъ, какъ-будто этотъ историкъ въ вопросѣ о происхожденіи и первобытномъ состояніи человѣка близокъ къ взглядамъ дарвинизма. На самомъ дѣлѣ Ленорманъ не только чуждъ дарвинистическихъ взглядовъ, но могъ-бы быть лучшимъ союзникомъ магистранта въ критикѣ эволюціонной гипотезы. Онъ признаетъ у человѣка геологическихъ временъ и особенно четвертичной эпохи такіе духовные качества и инстинкты, которые составляютъ полный контрастъ съ жизнью дикаря, и видитъ неизмѣримую пропасть между нимъ и животнымъ. „Напрасно, говоритъ онъ на стр. 213 перваго тома, —искали въ пластахъ земли обезьяноподобнаго человѣка, этой химеры, взлелѣянной извѣстными умами, которые были настолько ослѣвлены причудливой и извращенной гордостью, что скорѣе предпочитали имѣть своимъ предкомъ гориллу или лемура, чѣмъ принять догматъ о первородномъ грѣхѣ. Такого человѣка не нашли и не найдутъ никогда“. Эти мудрыя слова магистранту нужно было-бы золотыми буквами напечатать въ своемъ сочиненіи, а между тѣмъ онъ полемизируетъ съ Ленорманомъ.. Чѣмъ объяснить такое отношеніе магистранта къ Ленорману? Такъ-какъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что онъ читалъ этого историка, то остается лишь одно объясненіе: магистрантъ читалъ Ленормана, будучи заранѣе предубѣжденъ противъ него подъ влияніемъ какихъ-нибудь враждебныхъ этому писателю католическихъ критиковъ. Далѣе, къ Фогту магистрантъ относится слишкомъ пренебрежительно. Разби-

рая его „*Ученія о челоѣкъ*“, онъ ограничиваетъ всю свою критику этого писателя нѣсколькими нападками на его будто-бы запальчивый и вызывающій тонъ (204 стр.). Между тѣмъ, съ Фогтомъ нужно серьезнѣй считаться: это—болѣе опасный противникъ, чѣмъ думаетъ магистрантъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ нимъ труднѣе справиться, чѣмъ съ Дарвиномъ. Отношеніе къ Спенсеру также немножко поверхностное. Магистрантъ представляетъ Спенсера не знающимъ этнографіи; на самомъ дѣлѣ о немъ этого нельзя сказать. Всѣ свои мнѣнія о генезисѣ и развитіи религій Спенсеръ обосновываетъ этнографическими фактами, ссылаясь на писателей и путешественниковъ. Подвергая критикѣ тѣ научныя приемы, путемъ которыхъ Спенсеръ устанавливаетъ генезисъ религій, магистрантъ въ то-же время въ принципѣ соглашается съ его теоріей. Между тѣмъ, именно въ принципѣ съ нею нельзя согласиться: Спенсеръ разматриваетъ идолатрію въ качествѣ особой формы религій, по эта точка зрѣнія не выдерживаетъ критики и разрушаетъ собой всю его теорію. Однимъ изъ недостатковъ диссертации служить то, что магистрантъ удѣляетъ больше вниманія, чѣмъ слѣдуетъ, второстепеннымъ дарвинистамъ. На ряду съ Дарвиномъ, Геккелемъ, Фогтомъ, Лийелемъ, Уоллэсомъ, онъ, наприм., подвергаетъ критикѣ мало извѣстныхъ и мало важныхъ Подена и Сполля. Кому будетъ интересна полемика съ ними? Напротивъ, главныхъ дарвинистовъ магистрантъ немножко ступневываетъ. Излагая ихъ ученіе, онъ почти не приводитъ ихъ подлинныхъ словъ; между тѣмъ, его критика была-бы гораздо убѣдительнѣе, если-бы въ существенныхъ пунктахъ онъ могъ опереться на ихъ собственныя выраженія. Подвергая критикѣ иностранныхъ представителей дарвинизма, магистрантъ почему-то совсѣмъ не касается русскихъ дарвинистовъ, имена которыхъ для русскаго читателя болѣе важны, чѣмъ имена многихъ другихъ. Разбирая дарвинистовъ, онъ не указываетъ ихъ противорѣчій и не эксплуатируетъ этихъ противорѣчій въ своихъ критическихъ цѣляхъ. Будучи въ общемъ хорошо знакомъ съ иностранной (особенно французской) антидарвинистической литературой, магистрантъ въ то-же время не пользуется такими капитальными трудами, какъ труды Виганда и Миварта. Точно также онъ почти игнорируетъ нашу русскую апологетическую литера-

туру по его вопросу. Онъ, наприм., совсѣмъ не упоминаетъ о трудахъ А. Θ. Гусева, а между тѣмъ свои свѣдѣнія о взглядахъ Уоллеса на происхожденіе человѣка (215 стр.) онъ, вѣроятно, почерпнулъ изъ его-же книги „*Натуралистъ Уоллесъ и его русскіе переводчики*“. Далѣе, оппонентъ отмѣтилъ въ диссертациі нѣкоторые методологическіе недостатки. Магистрантъ не сосредоточиваетъ ни своего изложенія, ни своей критики, такъ-что читатель принужденъ знакомиться съ эволюціонными гипотезами и съ собственными взглядами автора по частямъ и отрывочно. Гипотеза полизоизма, разбираемая магистрантомъ во второй части сочиненія, должна была-бы быть изложена въ первой. Рассматривая эволюціонныя ученія, магистрантъ прерываетъ свой разборъ изложеніемъ ихъ разнообразныхъ поправокъ. Все это ослабляетъ вниманіе читателя и вредитъ цѣльности впечатлѣнія. Вторую часть своей книги магистрантъ начинаетъ этической оцѣнкой дарвинизма и посвящаетъ цѣлую главу разсужденіямъ о безотрадности этой гипотезы. Но какую же научную цѣнность имѣютъ подобныя разсужденія? Они могутъ дѣйствовать только на чувство, а не на мысль; ими можно расстрогать, но нельзя убѣдить. Каждый эволюціонистъ можетъ возразить магистранту: „Пусть дарвинизмъ съ этической точки зрѣнія безотраденъ,—но что-же дѣлать, если онъ неопровержимъ? Когда волкъ терзаетъ ягненка, это—безотрадное зрѣлище; но это зрѣлище—фактъ, котораго мы измѣнить не можемъ. Точно такъ-же нельзя измѣнить и тѣхъ роковыхъ естественныхъ законовъ, которыми обусловлено возникновеніе видовъ и происхожденіе человѣка: какъ-бы ни противорѣчили эти законы нашему чувству и нашимъ моральнымъ запросамъ, они тѣмъ не менѣе остаются дѣйствительнымъ фактомъ“. Оппонентъ этимъ, конечно, вовсе не хочетъ сказать, что этическая критика дарвинизма была совершенно бесполезной для цѣлей магистранта; но онъ находитъ, что магистрантъ долженъ былъ дать ей мѣсто не въ началѣ критическаго отдѣла своей книги, а въ концѣ его, подобно тому, наприм., какъ ораторы помѣщаютъ патетическую часть въ концѣ своихъ рѣчей, послѣ логическихъ доводовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у магистранта встрѣчаются противорѣчія, неясности, недомолвки и опущенія. Таковы, наприм., на стран. 129 и 111, 68 и

272, 153 и 375 и др. Мнѣніе о незначительной древности свайныхъ построекъ, защищаемое магистрантомъ на 456 стр., обосновывается имъ слишкомъ слабо. Открытіе хорошо сохранившихся мамонтовъ (стр. 464 и слѣд.) не можетъ служить опроверженіемъ ихъ древности. Замѣчаніе магистранта на стр. 516 объ авторахъ классификаціи языковъ на три группы: радикальные, агглютипативные и флекси-ческие, несправедливо, такъ-какъ эта классификація принадлежитъ Вильгельму Гумбольдту. Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что магистрантъ не далъ объясненія нѣкоторыхъ специальныхъ естественнонаучныхъ терминовъ, которые безъ этого для большинства его читателей останутся непонятными. Въ заключеніе оппонентъ заявилъ, что всѣ отмѣченныя имъ недостатки книги совершенно извинительны въ такомъ обширномъ и сложномъ трудѣ и нисколько не умаляютъ тѣхъ достоинствъ диссертациі, которыя были указаны имъ въ его официальномъ отзывѣ о ней. Оппонентъ окончилъ пожеланіемъ, чтобы магистрантъ и впредь продолжалъ работать въ области избраннаго имъ вопроса, и выразилъ надежду, что его намѣреніе выпустить второе изданіе своей книги скоро осуществится.

Соглашаясь съ нѣкоторыми доводами А. Д. Бѣляева, магистрантъ прежде всего сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ его замѣчаніямъ по вопросу о самостоятельности диссертациі. Вполнѣ раздѣляя мысль, что въ такомъ обширномъ и трудномъ вопросѣ, какъ вопросъ о происхожденіи человѣка, работать безъ помощи другихъ невозможно, и указавъ на то, что такъ пишутъ въ этой области всюду, — не только у насъ, но и на западѣ, магистрантъ замѣтилъ, что онъ тѣмъ не менѣе вовсе не былъ простымъ собирателемъ чужихъ фактовъ и мнѣній. Тамъ, гдѣ было возможно, онъ самъ провѣрялъ приводимыя имъ заключенія ученыхъ. Занимаясь въ музеяхъ Московскаго университета, онъ имѣлъ возможность непосредственно познакомиться съ нѣкоторыми изъ тѣхъ антропологическихъ, зоологическихъ и этнографическихъ открытій, на которыя опираются дарвинисты и ихъ противники. На ряду съ принятыми имъ чужими мнѣніями, у него есть и свои собственные взгляды, которые еще не были никѣмъ высказаны, какова, наприм., его гипотеза о времени происхожденія человѣка въ концѣ ледниковой эпохи.

Обращаясь къ вопросу о взглядахъ Ленормана, магистрантъ замѣтилъ, что этотъ историкъ произвелъ на него нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣмъ на оппонента. Правда, Ленорманъ признаетъ твореніе челоуѣка и высоко цѣнитъ общее историческое значеніе Библии, но въ подробностяхъ онъ чуждъ нашихъ взглядовъ. Въ своемъ толкованіи Библейскихъ повѣствованій онъ иногда даетъ слишкомъ много мѣста символическому элементу. На ряду съ приведенными оппонентомъ мѣстами можно указать въ его книгѣ другія, изъ которыхъ видно, что онъ ограничиваетъ историческое, этнографическое и географическое значеніе библейскихъ датъ и относится къ выводамъ дарвинизма болѣе снисходительно, чѣмъ слѣдуетъ (Сравни., наприм., стр. 41 и 91). Съ Фогтомъ магистрантъ не считалъ нужнымъ особенно считаться потому, что этотъ писатель компетентенъ какъ зоологъ, но не какъ антропологъ. Этнографическія свѣдѣнія Спенсера также едва-ли заслуживаютъ особеннаго вниманія. Правда, онъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній о развитіи религій ссылаются на этнографическій матеріалъ, но въ его ссылкахъ есть противорѣчія. Разсматривать второстепенныхъ дарвинистовъ магистрантъ считалъ нужнымъ потому, что они далеко не лишены значенія и извѣстности. Взгляды Нодена, наприм., разбираетъ Катрфажъ; о Снеллѣ писали въ нашихъ русскихъ журналахъ. Виганда и Миварта магистрантъ не цитируетъ, но онъ знаетъ ихъ сочиненія и воспользовался нѣкоторыми ихъ мыслями. Говоря объ Уоллэсѣ, онъ не ссылается на Гусева потому, что въ данномъ случаѣ онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія не у него, а у проф. Вагнера. По поводу упрека въ разбросанности изложенія и критики магистрантъ замѣтилъ, что эта разбросанность вытекала изъ свойствъ самой его задачи. Разбирая сочиненіе Дарвина „*О происхожденіи челоуѣка*“ въ различныхъ мѣстахъ и въ связи съ различными проблемами, онъ дѣлалъ такъ потому, что ему нужно было разбирать не книгу, а ея мысли. Что касается замѣчаній оппонента объ этической критикѣ дарвинизма, то въ концѣ концовъ трудно рѣшить, что болѣе убѣждаетъ людей,—научные-ли аргументы, или нравственная цѣнность доктрины. Если для послѣдовательныхъ дарвинистовъ безотрадность эволюціонной гипотезы не можетъ быть убѣдительнымъ доказательствомъ ея ложности, то не нужно забы-

вать другую категорію людей, для которыхъ именно этотъ этический мотивъ будетъ имѣть рѣшающее значеніе. Магистрантъ не счелъ нужнымъ особенно подробно опровергать мнѣніе о древности свайныхъ построекъ и отстаивать противоположную точку зрѣнія потому, что этого мнѣнія въ настоящее время уже никто не раздѣляетъ. Если сохраненіе мамонтовъ не опровергаетъ мнѣнія о ихъ древности, то его опровергаютъ остатки пипци, находимые въ зубахъ мамонтовъ: эти остатки показываютъ, что мамонтъ питался тѣми-же растеніями, какія можно встрѣтить и въ настоящее время. Наконецъ, магистрантъ не счелъ нужнымъ давать объясненіе естественнонаучныхъ терминовъ потому, что это составляетъ задачу учебниковъ, къ которымъ и должны обратиться затрудняющіеся ими читатели.

Диспутъ, продолжавшійся почти три часа, закончился пѣніемъ праздничнаго Задостойника: „*Радуйся, Царице*“.

Несмотря на то, что къ 6 Іюня значительная часть студентовъ уже разъѣхалась, диспутъ привлекъ довольно многочисленную публику, которая проводила магистранта обычными знаками сочувствія.
